

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В США XIX В.

П.Г. Космач, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье рассматривается религиозный контекст развития американского национального самосознания XIX в. На основе широкого круга источников и научной литературы показан протестантский фундамент культуры гражданского общества США того времени. Сделан вывод о значительном влиянии религиозного фактора в процессе эволюции американской национальной идентичности Нового времени.

Ключевые слова: американская идентичность; религиозный фактор; история США; протестантизм.

Со времени своего возникновения национальное самосознание в США имело религиозное основание в форме протестантизма, дело которого, как считалось, отстаивали поселенцы в Новом свете. Получив в период 1774–1789 гг. секулярную надстройку, американизм не утратил своих отличительных черт и в XIX в. В силу протестантского своеобразия религиозное и светское глубоко переплетались, образуя специфическую амальгаму идей и представлений о мире, распространенную среди большей части населения США того времени.

Американская национальная идея, как правило, выступала от имени высших авторитетов – Бога, Провидения, предначертанной судьбы. Вместе с тем внутренняя либерализация протестантизма XIX в. привела к тому, что теистические элементы в мировоззрении как паствы, так и церковных лидеров постепенно вытеснялись сугубо земными идеалами, связанными преимущественно с индивидуальными свободами. Эта черта очень точно была подмечена А. де Токвилем: «Американцы не только лично заинтересованы в упрочении их религии, но и часто рассматривают ее с точки зрения той пользы, которую она может принести верующим в земной жизни. В Средние века священники говорили только о загробной жизни; они едва ли обременяли себя доказательством возможности для искреннего христианина быть счастливым здесь, на земле. Американские проповедники, напротив, беспрестанно спускаются на землю, и, пожалуй, лишь с великим трудом им удастся оторвать от нее свои взоры. Стараясь сильнее затронуть души своей паствы, они ежедневно рисуют перед ее очами картины того, насколько благоприятны для свободы и общественного порядка религиозные чувства; слушая их, подчас бывает трудно понять, какова же основная цель религии – обретение вечного блаженства на том свете или же обеспечение благополучия на этом?» [12, с. 389].

Подобная тенденция имела вполне понятное основание: по сравнению со странами Старого света жизнь основной массы населения в США была достаточно благополучной и, казалось, ничто принципиально не мешало сделать ее еще лучше для большего круга лиц, приблизившись тем самым к «Царству Божьему». Именно данная логика рассуждений,

продиктованная принципом любви к ближнему, лежала в основе религиозного аболиционизма в северных штатах, а также, к примеру, и деятельности представителей «социального христианства» конца XIX – начала XX в., делавших все возможное для улучшения условий жизни промышленных рабочих. Фактически перед нами достаточно сложный феномен внутренней секуляризации церквей, которая медленно, но неуклонно нарастала по мере становления и развития индустриального общества в США Нового и Новейшего времени. И даже те мыслители, которые в своих работах выходили далеко за рамки протестантского христианства, могли проповедовать свои идеи в религиозной форме. К примеру, Р. Эмерсон писал: «Мы должны довериться благодетельной Высшей Силе, а не нашим деньгам и не государству, которое охраняет наше состояние. (...) У нас всего в избытке – звезд и лесов, холмов, животных, людей, и великие тенденции все сообща приведут к новому порядку. Если только люди будут действовать в согласии с тем Духом, который привел нас на эту землю, и продолжает вести дальше, мы очень скоро достигнем тех вершин, куда не донесется никакая хула и где нас перестанут посещать наши собственные сожаления, и создадим новое общество и государство – более прекрасное, чем все, какие знала история» [15, с. 298, 301].

Важно подчеркнуть, что взаимосвязь протестантского христианства и американского национального самосознания сохранялась на протяжении всего XIX в. Именно поэтому достаточно трудно проходил процесс интеграции в принимающее общество иммигрантов из католических стран Европы, которые стремились сохранить свою конфессиональную идентичность. К 1840 г. в США было уже более 600 тысяч католиков. Известный пресвитерианский священник того времени Лайман Бичер (1775–1863), выступая за активную колонизацию и миссионерскую работу на западных землях, подчеркивал опасность, исходящую от католической церкви [16, с. 71–72]. В 1842 г. создается «Американская протестантская ассоциация», которая своей целью прямо заявляла о необходимости борьбы с «системой папизма». «Романизм», считали основатели ассоциации, несет прямую угрозу гражданской и религиозной свободе в США [22, с. 264]. Эти призывы, связанные также с требованием ограничить иммиграцию из некоторых частей Европы, находили определенный отклик в массах, проживавших преимущественно на Северо-Западе США. Активисты нативистского движения не чуждались прямого насилия: «С помощью заложенных ночью бочек с порохом в 1854 г. были взорваны католические церкви в Дорчестере (Массачусетс) и Сиднее (Огайо). Вошли в историю как «кровавый понедельник» выборы 5 августа 1855 г. в Луисвилле (Кентукки). Бунт, по масштабам уступавший только филадельфийским событиям 1844 г., привел к ранению и гибели ста человек и сожжению двадцати домов» [9, с. 126]. Нативисты считали, что католическая церковь враждебна интересам протестантской Америки, а ее рядовые приверженцы несут лишь социальные проблемы в США. Вместе с тем сравнительно высокий уровень жизни в сочетании с наличием гражданских прав (в т.ч. и относительной свободы вероисповедания) обеспечивал

активную работу «плавильного котла», укрепляя и расширяя американскую национальную идентичность. Однако это не означало реального равноправия католиков, которых опасались многие протестанты, доминировавшие среди представителей истеблишмента. Даже во второй половине XX в. Дж. Кеннеди, кандидату на пост президента США, приходилось во время избирательной кампании (1960 г.) специально объяснять, что он, будучи католиком, не подчиняется папе римскому в светских вопросах [18, с. 158].

Будучи интегральной частью национального самосознания, американский протестантизм XIX в. демонстрировал тенденции, постепенно отдалявшие его от исторического христианства. В 1820–1830-х гг. разворачивается деятельность Джозефа Смита (1805–1844), ставшего основоположником вероучения «Церкви Иисуса Святых последних дней» (мормонов). Его «Книга Мормона» представляла собой своеобразную попытку связать историю Древнего Израиля и американского народа [5, с. 146]. Будучи с научной точки зрения вымыслом автора на основе доступных ему литературных источников, писания Дж. Смита выражали определенные настроения среди народных масс, которых по-прежнему привлекала религиозная проповедь. В доктрине «Церкви Иисуса Святых последних дней» присутствовало сочетание некоторых элементов теологического либерализма с американским патриотизмом. «Символ веры» мормонов утверждал, то «Сион (Новый Иерусалим) будет построен на Американском континенте [11, с. 73]. Христианский догмат о первородном грехе ими отрицался, а понимание Бога явно отличалось от принятого в авраамической традиции [6, с. 14].

Подобные теологические инновации наряду с практикой полигамии встречали сопротивление большей части американского общества. Мормонов изгоняли из Миссури и Иллинойса, но «Церковь Иисуса Святых последних дней» не только выжила, но и, осуществив переход своих сторонников на западные земли, установила свое господство на территории Юты. Их новый лидер Б. Янг (1801–1877) подчеркивал избранность американского континента и превозносил Конституцию США [24, с. 131–133]. Мормоны считали, что им открылся сам Бог, поручив строительство своего царства на земле [24, с. 134].

При всей маргинальности соответствующих идей в данной формулировке они отражали элементы национального сознания в США. А. де Токвиль (1805–1859) свидетельствовал: «В Соединенных Штатах религия пронизывает все национальные обычаи, став неотделимой частью патристических чувств, и именно это придает ей необычайную силу [12, с. 321]. В 1839 г. эти чувства получили знаковое выражение в статье «Великая нация будущего», автором которого был (предположительно) Дж. О'Салливан. Ее автор утверждал, что американский народ уникален в своем происхождении, связывающем его не с прошлым, а лишь с ярким будущим, которое воспринималось в качестве своего рода новой эры. Американцы, как провозглашалось в данной публикации, являются «нацией человеческого прогресса», призванной показать миру превосходство божественных принципов, а также союза, управляемого «Божьим естественным и нравственным законом равенства, законом братства» [21, с. 78–79].

Данная аргументация использовалась для оправдания расширения территории США в 1840–1850-х гг., а в некоторых случаях и позднее [10, с. 101–113]. Однако подобные настроения постепенно теряли популярность на фоне нарастания внутренних противоречий между регионами страны и общего кризиса союза штатов.

Важнейшим вызовом для религиозного сознания в США стал раскол страны на Север и Юг. Доминирование в обоих регионах протестантов различных деноминаций только усугубляло теологические трудности для объяснения кровопролитного конфликта, в котором каждая из сторон считала, что на ее стороне находится Провидение Бога. Итогом стало представление о Гражданской войне как расплате за национальные грехи (рабовладение и т.д.). Вскоре былой оптимизм восторжествовал: доктрина «явного предназначения», обосновывавшая особую миссию американского народа и государства, обрела второе дыхание [20, с. 100]. Данные представления подкреплялись впечатляющими экономическими успехами, выходом в конце XIX в. США на первое место в мире по промышленному развитию. Так, Б. Гаррисон, президент США в 1889–1893 гг., говорил: «Ни у одного народа нет правительства более достойного его уважения и любви, нет такой величественной в своем размахе земли, так радующей глаз и так щедро открытой для предприимчивости и труда. Бог возложил диадему на нашу голову и положил к нашим ногам власть и богатство, не поддающиеся определению или счету. Но мы не должны забывать, что эти дары нам даны при условии, что справедливость и милосердие будут держать бразды власти, и ведущие наверх пути надежды будут открыты для всех людей» [2, с. 279–280]. Г. Кливленд в 1885 г. призывал: «И давайте полагаться не только на усилия людей, но, смиренно признавая могущество и доброту Всевышнего Бога, владеющего судьбами наций и присутствовавшего в истории нашей страны во все времена, давайте молить Его о помощи и благословении наших трудов» [7, с. 266]. А. Беверидж, один из идеологов так называемой «прогрессивной эры», в 1898 г. говорил: «Бог даровал своему избранному народу славную историю – историю героическую, исполненную веры в нашу миссию и в наше будущее: историю государственных мужей, распространивших границы нашей Республики на неизведанные земли и дикие территории; (...) историю божественно логичную, в процессе творения которой мы сегодня участвуем» [1, с. 149].

Религиозные ценности национального самосознания получали определенную реализацию на практике. К 1850 г. в большинстве штатов существовали законы, «защищающие день поклонения Богу и наказывающие за богохульство, атеизм, многоженство и преступления против морали» [19, с. 72]. Соответствующие действия наказывались на том основании, что они угрожали гражданскому миру, оскорбляя религиозные чувства людей, и подрывали устои общества, считавшиеся необходимыми для осуществления республиканского правления. Конгресс США после завершения Гражданской войны проводил законодательную политику т.н. «моральной Реконструкции». Она включала борьбу против полигамии у мормонов на территории Юты, запрещала непристойную информацию и

товары, которые могли быть применены для контроля за рождаемостью или осуществления аборт, а также специальные меры, направленные на ограничение разводов и проституции [17, с. 6].

Вместе с тем у американского патриотизма имелись и оборотные стороны, которые осознавались некоторыми общественными деятелями. Одно из наиболее ярких выражений вполне обоснованных опасений было высказано У. Гаррисоном. «Мы – тщеславный народ, наша страсть к похвальбе переходит всякие границы. Мы забрали себе в голову – и в истинности этого предположения нас уверяют ежегодно, – что республика бессмертна. Что она, подобно могучему ангелу, вечно будет править свой полет, воспарив над грешной землей, устремившись в надзвездную даль – и там, достигнув совершенства, вовеки пребудет неизменной, чуждой суетному влиянию преходящих обстоятельств. Пусть землетрясение пошатнет до основания всю Европу и внезапно разверзшиеся пропасти проглотят целые царства – оно не поколеблет ни одного дюйма территории нашей республики, не сдвинет с места ни одной тарелки на полках наших кухонных шкафов. Пусть океан, собрав всю свою мощь, волнами второго потопа захлестнет вершины высочайших гор – наш ковчег будет уверенно продолжать свое плавание, даже если бы весь мир исчез в пучине. Пусть грозные тучи закроют небо – улыбка нашей богини, Свободы, рассеет мглу, и повсюду, куда ни обратит она взор свой, загорится радуга. Мы пребудем вечно, «доколе не прейдет небо»! Это роковое заблуждение ужасает людей, способных размышлять и предвидеть, оно приводит в трепет христианина, осмеливающегося заглянуть в наше будущее, исторгает слезы отчаяния у патриота; оно несмываемым клеймом ляжет на всю последующую историю нашей страны, если только преградой этому не станет милосердие Божье», – писал У. Гаррисон [3, с. 64–65].

Подобные предупреждения не были услышаны. Более того, богиня Свободы, присутствовавшая в языческой религии Древнего Рима, обрела официальный статус на территории США. В 1863 г. статуя в ее честь увенчала величественный купол нового Капитолия – архитектурной доминанты столицы страны. В 1886 г. была торжественно открыта Статуя Свободы («Свобода, озаряющая мир») на острове в Верхней бухте Нью-Йорка – города, представляющего собой символ новой (урбанизированной) Америки. Начало иной эпохи отчетливо ощущалось некоторыми современниками. К примеру, У. Уитмен подчеркивал следующее: «Подобно самой Америке, ее поэзия должна освободиться от влияния даже величайших образцов прошлого, и пусть она, почтительно отдавая им должное, до конца уверует только в себя самое, только в проявления своего собственного демократического духа. Подобно Америке, она должна поднять знамя священной веры человека в свое достоинство (этой первоосновы новой религии)» [13, с. 369]. В массовом сознании культ индивидуальной свободы, совмещенный с традиционным поклонением Богу авраамических религий, представлял собой весьма странное сочетание, которое не могло быть устойчивым в исторической перспективе. Но подобный культ имел

свое обоснование в протестантизме, ориентированном на личную веру, которая из области вероисповедания постепенно проникала и в другие сферы жизни человека, общества и государства. Национальное двоебожие стало временным компромиссом между духовными веяниями разных эпох, определив многие черты культурного развития США Новейшего времени.

Источники и литература

1. Беверидж, А. Поступь флага (1898 г.) / А. Беверидж // История США: Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. – М. : Дрофа, 2005. – С. 148–153.
2. Гаррисон, Б. Инаугурационная речь (4 марта 1889 г.) / Б. Гаррисон // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789 – 2001 г.) с ист. коммент. / Общ. ред. и комментариев Э. А. Иваняна. – М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. – С. 269–280.
3. Гаррисон, У. Л. Опасность, грозящая Америке (1829) / У. Л. Гаррисон // «Сделать прекрасным наш день...» : публицистика американского романтизма / сост. и авт. предисл. А. Н. Николюкина. – М. : Прогресс, 1990. – С. 62–79.
4. Девина, И. В. Мормоны: философия, религия, культура : науч.-аналит. обзор / И. В. Девина. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 43 с.
5. Заявление Смитсоновского института относительно «Книги Мормона» // Дворкин А. Сектоведение. Опыт систематического исследования. – Нижний Новгород : Издательство Братства во имя св. Александра Невского, 2002. – С. 146–147.
6. Кирчанов, М. «И снова утвержу свой Сион»: религиозный и секулярный национализм в Америке / М. Кирчанов. – Воронеж : ФМО ВГУ, 2010. – 272 с.
7. Кливленд, Г. Инаугурационная речь (4 марта 1885 г.) / Г. Кливленд // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с ист. коммент. / Общ. ред. и комментариев Э. А. Иваняна. – М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. – С. 266.
8. Пархоменко, В. К. Теория явного предназначения // США: политическая мысль и история / В. К. Пархоменко / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. – М. : Наука, 1976. – С. 53–145.
9. Прилуцкий, В. В. Движение американских националистов-нативистов 1830–1860-е гг. / В. В. Прилуцкий // Вопросы истории. – 2011. – № 7. – С. 121–134.
10. Сиротинская, М. М. Идея «предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. / М. М. Сиротинская // Вестник РГГУ. – 2017. – Серия «Политология. История. Международные отношения». – № (2). – С. 101–113.
11. Смит, Дж. Символы веры / Дж. Смит // Драгоценная жемчужина. – Солт-Лейк-Сити : Издательство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, 2016. – С. 72–73.
12. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
13. Уитмен, У. Демократические дали (Фрагменты) / У. Уитмен // Уитмен У. Избранные произведения. – М. : Художественная литература, 1970. – С. 355–373.
14. Эмерсон, Р. Доверие к себе / Р. Эмерсон // Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / Вступит. статья Н. Покровского. – М. : Худож. Лит., 1986. – С. 132–161.
15. Эмерсон, Р. Молодой американец / Р. Эмерсон // Эстетика американского романтизма / Сост., коммент. и вступ. статья А. Н. Николюкина. – М. : Искусство, 1977. – С. 281–301.
16. Beecher L. A Plea for the West (1835) // Greenberg A.S. Manifest Destiny and the American Territorial Expansion. A Brief History with Documents. – Boston, New York : Bedford / St. Martin's, 2012. – P. 69–72.

17. Foster, G. M. Moral Reconstruction: Christian Lobbyists and the Federal legislation of Morality, 1865–1920 / G. M. Foster. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2002. – 318 p.
18. Lambert, F. Religion in American Politics: A Short History / F. Lambert. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2008. – 296 p.
19. McGarvie, M. D. Law and Religion in American History : Public Values and Private Conscience / M. D. McGarvie. – New York : Cambridge University Press, 2016. – 312 p.
20. Shalev, E. American Zion: The Old Testament as Political Text from the Revolution to the Civil War / E. Shalev. – New Haven and London : Yale University Press, 2013. – 239 p.
21. The Great Nation of Futurity (November 1839) // Greenberg A. S. Manifest Destiny and the American Territorial Expansion. A Brief History with Documents. – Boston, New York: Bedford / St. Martin's, 2012. – P. 78–79.
22. The Launching of the American Protestant Association Against the Catholic Church (November 22, 1842) // Documents of American Catholic History / Ed. by J.T. Ellis. – Lexington : Forgotten Books, 2012. – P. 263–265.
23. Weinberg, A. K. Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. – Chicago : Quadrangle Books, 1963. – 559 p.
24. Young, B. Discourses / B. Young // God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 1998. – P. 131–134.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В ПРУССИИ И АВСТРИИ (КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ НОВИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Л.В. Ландина, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье раскрыто осмысление политики просвещенного абсолютизма в российской дореволюционной исторической науке (В.И. Герье, Н.И. Кареев, П.П. Митрофанов), продемонстрирована связь концептуальных построений российских либералов-новистов с выводами западноевропейской, в частности, германской исторической науки. Особое внимание уделено трактовкам российскими историками мероприятий Фридриха II (1740–1786) и Иосифа II (1780–1790). Фридрих II, идеолог и создатель прусской государственности, успешно реформировал страну в русле просвещенного абсолютизма. В свою очередь, уникальным примером просвещенного монарха являлся император Священной Римской империи Иосиф II, «революционер на троне», реформы которого в общем потерпели поражение. Правление Иосифа II анализируется в работе П. П. Митрофанова, которая до сегодняшнего дня не только остается крупнейшим исследованием на русском языке, созданным по данной проблеме, но и является ярким примером дискурса российской дореволюционной новистики.

Ключевые слова: абсолютизм, просвещенный абсолютизм, австрийские Габсбурги, Фридрих II, Иосиф II, российская историография, новистика.

Просвещенный абсолютизм как знаковое явление раннего Нового времени и феномен эпохи Просвещения привлекал внимание и требовал рефлексии уже у своих современников. Оформившись в философии и правоведении, реализовавшись в практике управления, он к середине XIX в.